

История

“К гению прикосновение”

А. М. Мархашов*

“Contacting with the genius”

A.M. Markhashov

ЧТОБЫ ДНИ ВАШИ И ДНИ СЫНОВЕЙ ВАШИХ УМНОЖИЛИСЬ НА ЗЕМЛЕ...

Наступил 1994 год. Лабораторию посетил американский хирург Марк Дэйн из штата Мас-сачусетс. В присутствии переводчика Николая Зеленского и заместителя директора РНЦ «ВТО» М. М. Шудло я демонстрировал рентгенограммы с исходным и конечным результатами травмы позвоночника у домашних животных. Дэйн сказал, что эксперименты и результаты лечения травм позвоночника оставляют большое впечатление и просил разрешения сделать фото с рентгенограмм и анатомических препаратов.

В этом году исполнилась первая годовщина работы отделения вертебрыологии. На его счету 40 больных, которым был наложен по показаниям аппарат Илизарова. Поступили и оперированные больные из Саудовской Аравии. Это Эль Раджа Субейс Дихайд, 19 лет; Эль Харби Казыл, 60 лет и Кохтани Михзил, 19 лет.

Самым трагическим днем моей жизни было 7 марта 1994 года. Внезапно умерла моя супруга Тамара Андреевна Мархашова, с которой я в полном согласии и счастья прожил 46 лет. Она похоронена в Кургане, недалеко от могилы Гавриила Абрамовича Илизарова.

В мае 1994 года научная группа в составе В.И. Шевцова, к.м.н. А.Т. Худяева и меня вылетела в Голландию на европейский конгресс вертебрыологов. Там присутствовали делегаты из 14 стран Западной Европы. Нами был представлен доклад «О новом научном направлении в хирургии позвоночника». Основу доклада составили мои экспериментальные исследования, проводимые в течение 20-ти лет и клинические материалы нового отделения вертебрыологии.

По окончании доклада, который читал генеральный директор РНЦ «ВТО», раздался гром аплодисментов, длившийся 5-7 минут. Мои глаза стали влажными, я слышал стук моего сердца, несмотря на бурные аплодисменты. Западная Европа в лице ее ученых-

вертебрыологов благодарила наш труд. Удовлетворенным я покинул зал заседания и гостеприимный Амстердам. После доклада В. И. Шевцов получил приглашение выступить с этим докладом во Франции,

Президент американской ассоциации нейрохирург Хансен А. Юан, Д. М., проф. ортопедии и нейрохирургии, прослушав наш доклад, изъявил желание посетить в августе-сентябре 1994 года РНЦ «ВТО», чтобы более подробно ознакомиться с результатами исследований на позвоночнике. Оригинальными экспериментами назвал он нашу научную работу. «Я знаком практически со всей медицинской литературой, но подобных публикаций не встречал», — сказал он. «Приезжайте к нам, — ответил Шевцов, — познакомитесь...»

Радостные дни сменились днями огорчений и недоумений. Появилось недопонимание моих стремлений проверить работу аппарата в клинике и найти пути более эффективного воздействия аппарата на восстановление функции спинного мозга человека. Возникла какая-то конкуренция, вылившаяся в нежелание некоторых лиц дать мне возможность работать в клинике на общественных началах, не допустить меня вносить конструктивные изменения в аппарат. Необходимость такая диктовалась индивидуальной патологией позвоночника человека. Напряжение межчеловеческих отношений стало нарастать. Мне дали понять, что клиника — это удел других, а мне следует заниматься экспериментами на животных.

Осенью 1994 года лабораторию посетила американский доктор, госпожа Дебора из г. Мемфис, по специальности детский травматолог. Реакция коллеги на эксперименты была однозначной — фантастика! Такого она еще никогда не видела. «Продолжайте исследования, — советовала она, — особенно по травме спинного мозга. У нас, в США, это проблема перво-

*Окончание. Начало см. в журнале «Гений Ортопедии» № 3, 4 за 1997г., № 1, 2, 3 за 1998г.

степенная».

Спустя три недели я принимал травматологов из Южной Кореи — 10 человек. После демонстрации экспериментов было много вопросов. Встреча закончилась аплодисментами. Один очень пожилой травматолог, не помню его имени, сказал: «Вы много сделали в эксперименте». Я подарил ему монографию.

Год 1995-й. Исследования на позвоночнике, в частности, на спинном мозге, продолжаются. Накоплен и клинический материал в отделении вертебрологии. Аппарат для позвоночника применен на 80 пациентах. Вновь посещают нас иностранные врачи из США, Индии, Боснии, Герцеговины.

По результатам научных и клинических данных стало возможным оформление диссертаций. Четыре кандидатские диссертации уже защищены; одна подана к защите; шесть диссертаций, из которых две докторские, в стадии накопления и систематизации научного материала. Готова рукопись-монография по внедрению метода Илизарова в хирургию позвоночника.

8 октября 1996 года. Актальный зал РНЦ «ВТО», вмещающий более 300 мест, переполнен участниками торжеств, посвященных 25-летию юбилею. Доклад В. И. Шевцова: "РНЦ «ВТО» им. академика Г. А. Илизарова за 25 лет: итоги и перспективы" — произвел очень большое впечатление на делегатов.

Построение доклада, теоретические данные, экспериментально-клинические подтверждения закономерностей, открытых Г. А. Илизаровым, реализация их после ухода его из жизни свидетельствовала о том, что созданное им продолжается, совершенствуется, находит применение не только в травматологии и ортопедии, но и в смежных дисциплинах, набирает новые силы.

Безусловно, это стало возможным благодаря проф. В. И. Шевцову, настойчиво проводящему фундаментальное учение Учителя в жизнь. Впервые в докладе представлены не только разносторонние исследования, но и выполняющие их люди. Это ученые, проработавшие в институте по времени, равному 25-летию юбилею, высоко квалифицированные специалисты, составляющие мозговой центр института. Это благодаря их усилиям, мышлению стало возможным проведение научных разработок, которые дают максимальные положительные

результаты.

Доклад В. И. Шевцова, сопровождающийся сотнями цветных слайдов, возникающих одновременно на большом экране, музыкальным оформлением, дикторским чтением, вызывает восторг своей неординарностью.

Наивысший рейтинг получил ученик Илизарова В. И. Шевцов своим необычным докладом. Только благодарный человек мог так достойно и высокомерно представить своего Учителя.

На конференции были доложены доклады, посвященные экспериментальным и клиническим разработкам по позвоночнику. Все они содержали новые оригинальные замыслы и удивительные по способам решения. Экспериментальные данные по разработке новых операций поражали своей демонстративностью. Клинические доклады, охватывающие круг травматических изменений в позвоночнике, сопровождающихся спинальными расстройствами, демонстрировали высокий лечебный эффект после применения аппаратов внешней фиксации позвоночника. Особенно поражало мастерство рук докладчиков из Екатеринбургского НИИ, которые, умело управляя аппаратом, показывали наблюдения, где устранялись самые разнообразные изменения в топографо-анатомических соотношениях позвонков.

Доклады вызывали общий интерес и аплодисменты. Одному из докладчиков канд. мед. наук А. М. Лаврукову был задан вопрос: «Кто ваш учитель?» Ответ последовал незамедлительно: «Мой учитель доктор медицинских наук Дмитрий Иванович Глазырин, а по аппаратам для позвоночника — Абрам Моисеевич Мархашов». В своем выступлении заслуженный деятель наук, доктор мед. наук, проф. А. П. Барабаш высоко оценил доклады по патологии позвоночника. Тепло было встречено сообщение группы авторов (В. И. Шевцов, А. М. Мархашов, Г. Д. Сафонова, К. А. Муштаева) по результатам исследования спинного мозга в эксперименте.

Общий итог докладов о лечении позвоночника показал, что в Курганском, Уральском НИИ аппарат для позвоночника стал применяться шире. Он эффективен, дает стойкие положительные результаты у больных с позвоночно-спинальной травмой.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ СОБАЧКАХ

Не могу не сказать о некоторых наблюдениях, связанных с отношениями между собаками. Надо отдать должное: многие экспериментальные собаки обладали пониманием того, что с ними делают и о последствиях их. Простые наблюдения показывают эту связь весьма замет-

но.

Вновь поступивших животных, которым полагается карантин, располагали в блоке, отдельно от уже оперированных. В блоке находились клетки для каждой собаки отдельно. При входе лаборанта в комнату с расположенными в ней

клетками собаки начинали неистово лаять, бросались на двери клетки, чтобы выскочить оттуда или искали помощи от человека.

На вторые-третьи сутки, когда брали собаку в эксперимент из клетки, и когда после операции входил в блок лаборант, картина была прямо противоположная. Все собаки молчали и забивались в угол клетки, как бы прячась. Казалось, они догадывались, что сделано с их собратом. Стояла гнетущая тишина. И только после выхода из блока вновь начинался «боязливый» лай одиноких собак.

Можно привести много любопытных фактов поведения животных в вольерах. Нередко после операции, когда собака лежит еще в наркозе, около нее появляются собраты и молча сидят рядом. Порой непонятно, как они выходят из своей укрепленной клетки и пробираются к больным собакам. Они зализывали им раны.

Сострадание, если это можно так назвать применительно к животным, развито у них довольно высоко. Для поднятия «морального» состояния собакам приводили в клетку сородича другого пола. Однажды псу по кличке Пират, названному так в связи с тем, что он поступил в клинику с одним глазом (по-видимому, бытовая травма), была сделана операция на спинном мозге.

Результат операции был таков, что Пират не мог стоять на тазовых конечностях и ползал с помощью передних. К нему подсаживали самок, но Пират на них не обращал внимания. Однажды ему подсадили красавицу-собачку по кличке Вета с аналогичной травмой, но уже излеченной. Пират встал на тазовые конечности!

Такой был эффект от влечения. Постояв несколько минут, он упал. В дальнейшем мы держали их вместе в одной клетке. Но на ноги Пират не вставал. Это поняла Вета, и чтобы помочь Пирату и ради сеанса любви, она стала приседать на задние ноги, почти ложилась под Пирата. Таковы нюансы «любви, любовных игр» у собак.

Собаки, которые долго содержались в экспе-

рименте и с весьма хорошими лечебными эффектами, находились на свободном режиме. Им разрешалось выходить из клеток и бегать по двору, улице, где угодно. Они не убегали.

Правда были и побеги. Этому способствовали мальчишки: заберутся в вольер, откроют клетки, двери и выпускают собак.

Отдельные собаки хорошо дружили, крепкая дружба была между Ветой и Белочкой. Однажды к нам в Курган, в клинику для животных привезли из Тобольска немецкую овчарку Саймонда. Саймонд прыгнул за голубем и сломал себе позвоночник с последующим параличом тазовых конечностей. Не мог стоять и ходить.

После операции, которая была весьма оригинальной, удалось без разреза, с помощью аппарата убрать осколок, который давил на спинной мозг. У больных этот осколок называется «клин Урбана». Осколок возникает вследствие перелома тела позвонка. Он проникает в позвоночный канал и давит на спинной мозг.

Операция была оформлена как изобретение, на нее получено положительное решение. В этой операции помогали П. И. Коваленко и С.А. Гринев. Операция сделана хорошо, но спасти собаку от паралича не удалось. Находясь в клетке, Саймонд скучал, это было видно по его грустным глазам. Отказывался есть и пить. Один раз в месяц к нему приезжал хозяин и Саймонд веселел, облизывал его лицо. Но после отъезда хозяина вновь становился грустным. Посадили к Саймонду Белочку и Вету. На какой-то период все собаки сблизилась. К концу второго месяца вновь приехал хозяин и отказался от Саймонда.

По его настоянию пса вывели из опыта. Вскоре он умер. Хозяин решил похоронить его в Тобольске. Погрузив его в машину, они поехали, а вслед за машиной бежали Белочка и Вета. Они провожали Саймонда в последний путь до ворот клиники. Затем машина набрала скорость и скрылась. Белочка и Вета еще долго сидели у ворот и смотрели вслед уходящей машине...

«ВОЗВРАТИ НАС К СЕБЕ»

Глубокая осень 1996-го. Уже почти три года как мы расстались с ней. Желтые листья, сморщенные и перемешанные со снегом, покрыли весь цветочник и поднимаются выше, оставляя лишь вершину памятника. Но фотография открыта. Осторожно убрав с нее снег, я всматриваюсь в ее глаза, в глаза любимой моей женщины, моей покойной супруги,

Глаза те же. Они такие же голубые, как и прежде, когда мы впервые встретились. Глаза покорили меня своей чистотой, глубиной и добротой. В них светилась,— да, светилась! —

такая нежность, что оторваться от них не было сил. И я смотрел, отвечая такой же благодарностью.

И сейчас они также смотрят на меня, как когда-то в прошлые, далекие и очень близкие, но прошедшие годы. Мы смотрим друг на друга долго: три-пять-десять минут. Я отвожу свои глаза влево, вправо, а они не отрываясь, поворачиваются за мной. Потом пелена в виде прозрачной, не прекращающейся слезы застилает наши взоры. Мы оба плачем. Только она, любовь моя, плачет в могиле, а я — стоя на ее

краю...

Молчание. Абсолютное отсутствие какого-либо восприятия окружающего воздуха, падающего листа или ветки, ничего. И только глоток, предательский глоток, зажатый каким-то комом в горле, возвращает в реальную действительность.

Да, мы любили друг друга, не навязчиво, не рекламно, без эффектов. Любили делом, вниманием, заботой, бережливостью, а главное пониманием и предупредительностью. Постой, когда это началось? Кажется, спустя два года после войны. Помню школьный вечер, скромный класс с отодвинутыми в угол партами и стенгазету с надписью: С НОВЫМ 1948 ГОДОМ! Мы школьники. Первый вальс, второй, третий. Проводы, несвязанные слова, просьбы и снова встречи.

Окончание школы. Поступление в институт. Рождение двух девочек. Заботливые мамы, бабушки, тесные комнатки, раздельное житие. Стипендия. Шитые-перешитые платья, теплые, похожие на пальто курточки, шапочки, какая-то обувка. Ни одного упрека. Окончание института. Приезд в сельскую местность. Работа, операции, воспитание детей, обсуждение рабочих дней, операций. Советы, надежда. Заботы о школе, о папином отдыхе: у него завтра операция, не мешайте отцу, ему нужен покой. Я отдаю зарплату жене — вся моя забота.

Появилась еще доченька. Все окончили среднюю школу: Лида, Лариса, Ира. Институт. Стали мы с Томочкой нянчить внуков и растить их, двое уже студенты: Денис и Валера, есть школьник Владик и есть Алешенька...

Но не стало с нами нашей мамочки. Наступила тоска, пришло одиночество. А за весь период жизни похороны — отца Мархашова Моисея Григорьевича (Москва), бабушки Абрама-Хаима Магаршак (родился в Вильно, похоронен в Днепропетровске), бабушки Лидии Яковлевны Вильнер (Оренбург), родной тети Марии Абрам-Хаймовны Майзлин (Оренбург), мамы Хана Абрам-Хаймовна Магаршак. Наконец, похороны жены Тамары Андреевны Мархашовой (Курган). По многим местам России лежат в земле близкие, родные люди.

А меня «точит» наука, «точат» идеи, забирающие всего. Лучше бы с родными посидел, поговорил. Сколько без меня прошло вечеров — зимних и осенних. Занят, занят, некогда... суета, суета и более ничего. Сейчас свободное время, оно пришло, но некому его отдать. Правду говорят: имеем — не ценим, теряем — плачем. Ведь

дела наши живы, пока живы мы. Годы жизни так быстро летят, как будто торопишься перелистывать книгу, в которой все очень ясно, скучно, обыденно, и листаешь ее формально, для выполнения долга: смотрел, читал.

А на самом деле ничего в ней не читал и ничего не хотел увидеть, потому что все забыто, прошло, прошла боль, и воспоминания уже почти не волнуют. Время стирает память о пережитом, хорошем и плохом. Сохраняется что-то сверхнеобычное, если такового нет, то и нечего вспомнить. Так и дела наши: если, что-то архиважное, то кто-то может быть, когда-нибудь и отметит, где-то скупой строкой сверхмелким шрифтом...

Тихий голос напомнил, что надо ехать на конференцию. Да сейчас проходит международная конференция: «Перспективные направления чрескостного остеосинтеза в реконструктивно-восстановительной хирургии: теория и практика». И симпозиум «Регенерация и рост тканей в условиях дозированного растяжения, посвященная 25-летию РНЦ «ВТО». Одновременно конференция, посвященная 45-летию метода Илизарова и 75-летию со дня его рождения. Надо ехать.

Решил я дате этой посвятить свои личные воспоминания и написать о них. Зачем тебе это нужно? Надо, Тамара! Чтобы не вытравили имя мое и труд мой из российской науки. Чтобы наши дети, внуки и, Бог даст, потомство могли сказать: и мы сопричастны к делу Илизарова. Ты же знаешь мой принцип: «Никогда не отрываться от людей, от земли».

Сейчас, чтобы сохранить свой труд, я расскажу о нем людям. Это самое надежное хранилище памяти. И еще хочу сказать: «Я благодарен своей судьбе за встречу с тобой, за рождение дочерей. За то, что всю жизнь ты мне создавала условия для творческого труда, которому я отдавал всего себя. Я благодарен коллективу Саракташской районной больницы, где формировался как врач, кафедре топографической анатомии Оренбургского мединститута, в котором созрел как ученый и коллективу РНЦ «ВТО», где проявились мои творческие удаи и, к сожалению, неудачи.

Прощай, Тамара, мама. Простите, что на ваших сердцах замыкались все мои стрессовые ситуации. Пойду поклонюсь и Г.А. Илизарову. Пусть будет земля вам пухом. А знаешь, Тамара, как на иврите произносится земля: Ха-эрец. Правда, звучит красиво?

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мои записки, изложенные в художественной форме воспоминаний о совместной работе с академиком Гавриилом Абрамовичем Илизаровым по проблеме моделирования болезней и повреждений позвоночника и спинного мозга, были прерваны в 1992 г. — с уходом его из жизни. Позднее я редко обращался к воспоминаниям, хотя эпизодически делал пометки о наиболее ярких, на мой взгляд, эпизодах.

Однако дело, начатое Г.А. Илизаровым о внедрении его метода в экспериментальную, а затем в клиническую хирургию, не остановилось. Я его продолжал. Но теперь уже совместно с Владимиром Ивановичем Шевцовым — гене-

ральным директором Российского научного центра «ВТО» им. академика Г.А. Илизарова, профессором, академиком Российской академии медико-технических наук. О его вкладе в разработку этого направления я писал в последней части своих воспоминаний. Среди них хочу особо отметить создание в Центре лаборатории вертебрологии и нейрохирургии.

Хочется надеяться и быть уверенным в постоянной поддержке начатого научного направления и в достойной оценке вклада каждого ученого.

А.М. Мархашов